

«Мир. газета», 1948, 20 дек

ЛИТЕРАТУРА — всегда отклик. Эти слова самого поэта лучше всего определяют и внутренний смысл, и форму передачи «Андрей Вознесенский — диалог о поэзии». Совсем короткий отрезок времени разделен и авторский вечер Валентина Катаева в Останкине. Еще один небольшой шаг во времени назад: останкинский вечер Зениамина Каверина. Шаг во времени вперед — передача о Лихаиле Булгакове. Еще шаг — фильм-концерт «Зеленые цветы» о творчестве Николая Рубцова...

Среди бесчисленных вопросов, которые задавали Катаеву в тот вечер собравшиеся в Останкине читатели, слушатели, был такой: «Что, на ваш взгляд, самое ценное в современной советской литературе?» «Ее единство», — ответил Катаев. —

«образа времени» в этой прозе. И тематическую ее направленность. И активность личной позиции писателя, особенно там, где речь идет именно об историческом единстве советской литературы. Катаев, отвечая на вопросы, беседуя, вспоминая, рассказал многое из того, что уже читали мы в последних его книгах. «Останкинский» вечер с прозрачной ясностью открыл то, что было для Катаева в этих книгах последних лет главным: попытку охватить великую и трудную пору становления нашей советской литературы как целое, в единстве.

И еще одна тема емко открылась в этом живом диалоге Валентина Катаева с аудиторией: тема преемственной связи советской культуры с классическим наследием. «Литература наша, современная, советская,

**ПИСАТЕЛЬ НА
ТЕЛЕВИДИИ:
О ЛИТЕРАТУРЕ,
О ВРЕМЕНИ,
О СЕБЕ**

котором строились все названные мною передачи. Не просто о том или ином писателе шла речь. Не просто о читателе, а о его духовных исканиях и о литературе как органе памяти, аккумуляторе нравственных критериев и социальной, исторической зоркости.

Передача о Вознесенском показала, какой громадный потенциал содержит в себе накопленный уже опыт останкинских «вечеров», сколь активно способна эта форма «разомкнуться», «диалогизоваться». Люди идут по своим делам;

поэта в Останкине, и старый, полторадесятилетней давности вечер поэзии в Политехническом. Это воспоминание оказалось особенно уместным: то, что некогда вызывало споры, казалось необычным (и было, как верно подчеркнул Вознесенский, лишь возрождением необходимого и подзабытого), благодаря телевидению сегодня сполна реализовало себя. Тут тоже важная черта единства: выступления Блока и Маяковского в Политехническом; те формы, которые открыла для себя литература в годы первых пятилеток (радиогазета, радиопильма); голос литературы в годы Отечественной войны (Николай Тихонов, Ольга Берггольц, Всеволод Вишневский, Вера Инбер обращаются со словом литератора из осажденного Ленинграда: Михаил Светлов читает стихи на передовой...); поэтические вечера конца 50-х — начала 60-х годов: Политехнический, Дворец спорта, строительные площадки, разбросанные по всей стране. И сегодня ставшие нормой литературные встречи на БАМе и в воинских частях, литературные вечера в крупнейших концертных залах и в Останкине, в телестудии, когда вся страна становится единой аудиторией единой советской литературы.

НАЕДИНЕ С МИЛЛИОНАМИ

Несмотря на разнообразие стилистики, на большое различие в степени мастерства, все-таки самое главное то, что мы — советские писатели).

Тема единства — внутренняя, самим материалом диктуемая тема, которая возникает и в каждой из названных мною передач, и в совокупности их, в их движении. Не об этом ли единстве свидетельствуют сама необходимость таких передач, выражение в них не только писательских, но и читательских устремлений?

Литературные вечера в Останкине (а встреча Андрея Вознесенского с читателями, с огромной телевизионной аудиторией стала когда-то первой в ряду таких вечеров) должны были породить новые формы диалога. Но и сами вечера должны были измениться, перейти от формы «литературного концерта» к форме живого, напряженного диалога поэта, прозаика и их аудитории. Той, что собралась в этот вечер в студии. И всей читательской аудитории, многомиллионной, которая давно уже обсуждает подобные встречи не менее страстно, чем новинки литературы.

И вот те, кто собирается в Останкине, уже представляют собой не «знак» аудитории, а образ современного читателя. Раньше бывало и так, что создавалось впечатление некоторой «инсценированности» аудитории (кто в зале? — друзья поэта, прозаика? «активные» редакция? счастливицы, добывшие билет, — но где можно этот билет достать?). Сегодня литературные вечера в Останкине построены так, что на экране одинаково активны и писатель, и его читатели. И поэтому вопросы прозаика, поэту задаются коренные, наиважнейшие, касающиеся самых глубоких проблем творчества — и «творчества вообще», и творчества данного, конкретного мастера. Собственно, разговор «о всем лишь» и идет о смысле творчества, его цели, его отдачи и самоотдаче.

Живая катаевская интонация, его мироотношение смогли в тот вечер объяснить многое. И внутреннюю необходимость сверхнапряженной стилистики катаевской прозы последних лет. И многомерность

очень богата, — сказал Катаев. — Она превосходно развивает все то, что сделали наши великие предшественники, к тому же не такие уж далекие от нас». То, что и, главное, как говорил Катаев о Бунине, о Горьком, — говорил как современник, собеседник, об отношении «учитель — ученик». Андрея Вознесенского тоже спросили об учителях — он назвал Маяковского. Назвал Пастернака, поблагодарил судьбу за встречу с ним — и очень хорошо сказал, что «учительство» и «ученичество» состояли не в отыскании и исправлении «ошибок» и «недостатков» мастерства, а в постижении опыта литературы как творчества, как мироотношения, как долга. Вот что также во всех названных мною передачах стало внутренней основой разговора о единстве советской литературы. Разговора, настроенного как ответы на вопросы, ибо вопросы — общие. «Писательские» и «читательские».

Логика единства свободно и доказательно раскрылась и в соседстве передач об Андрее Вознесенском и Николае Рубцове. «Фильм-концерт» — точное и одновременно неполное определение передачи «Зеленые цветы». Это был, вернее сказать, фильм-воспоминание. Stanislaw Kunyev, Глеб Горбовский, Вадим Кожин делились мыслями о современнике; они, читатели-профессионалы, во всем богатстве эмоциональных реакций искали ответа на главный вопрос: что дало поэтическую силу строкам Рубцова, что поставило этого художника, прожившего недолго, в ряд необходимых нашим дням мастеров поэзии — и мастеров мысли, чувства? Мысли о времени, чувства Родины, чувства эпохи. Оттого и стихи Рубцова, обманчиво простые на первый, поверхностный взгляд, раскрывались во всей сложности внутренней структуры, во всем богатстве их духовного опыта. Прочитанные с экрана Владимиром Андреевым строки поэта как бы заново кристаллизовались, возникая на пути к читателю — на вечном пути диалога.

Литература и читатель сегодняшнего дня — такова общая тема, внутренний стержень, на

к ним подходит человек с микрофоном и спрашивает: «Вы любите поэзию?» Большинство отвечает утвердительно; находятся и те, кто прямо заявляет: «Нет, предпочитаю другую вид искусства». Тех, кто любит поэзию, просят объяснить: за что любят? Замечательно, что многие скорее выражают удивление вопросом, нежели готовность излагать концепции. Она просто нужна, поэзия, как же без нее? Наконец, вопрос: а кого из поэтов наших дней вы предпочитаете?

Если бы не точность репортажа, непременно упоминание имени поэта — героя передачи — могло показаться всего лишь «соответствующим» сценарным ходом. Тут наоборот: вся передача выстраивается, подчиняясь законам жизни, которой живет творчество поэта в сознании людей. Кто-то вежливо отказывает поэту в «любви». Кому-то, назвавшему других поэтов, репортер дает возможность выдержать паузу. Убедившись, что собеседник не хочет ничего добавить, «подбрасывает» имя Вознесенского. Люди реагируют по-разному. Кто-то радостно кивает (как же я, мол, забыл). Стесняющиеся девушки отвечают, можно сказать, светски: раз репортер спрашивает — значит, надо сказать «да». Кто-то...

Словом, все по-разному, но в большинстве случаев имя поэта выпаливает сразу, с готовностью объяснить, отстаивать свою точку зрения. О поэзии вообще людям говорить трудно и неловко. О поэте разговор начинается сразу и непременно переходит в «слово о поэзии», в спор о ней. Объяснения же людьми своей привязанности к поэзии Вознесенского поразительно едины: читатели говорят не о том, «за что любят» эту поэзию, а о том, что она дает им, какими открытиями личностью поэта и облик времени, мира в строках Вознесенского.

Репортер задавал вопросы «для Вознесенского»: он отвечал, листая в кадре читательские письма: очень интересно говорил о стиле исполнения поэтами своих произведений. Читал в том числе и редкое по силе, точности стихотворение памяти Василия Шукшина. Экран припоминал и вечер

Разнообразные формы диалога литературы и читателя породили — на массовом уровне — и восприятие литературы во всей широте ее духовных взаимосвязей. Не случайно и Вознесенского, и Катаева читательские вопросы побуждали заговорить об этих взаимосвязях искусства слова. Проблемы поэтической интонации, мысли о стиле исполнения поэтом своих стихов сами собой вывели поэта на разговор о музыке. Фрагмент из «Поэтории» Родина Щедрина — Андрея Вознесенского прозвучал веско, уместно. Катаева прямо из зала спросили о его «внелитературных» художественных пристрастиях, — и он рассказал о своей внутренней потребности в музыке, в живописи. О том же говорил и Вениамин Каверин в свой «Останкинский» вечер.

Встречи в Останкине все более уверенно и закономерно обретают еще одну важнейшую тему: органическое единство нашей культуры, ее нерасчлененность и нерасчлененность на «цеховые» задачи и «цеховые» интересы.

Эта тема, ее возникновение, ее «нарастание» понятны. Жизнь литературы на телеэкране со все большей полнотой открывает социальную необходимость, социальную значимость литературы как искусства, как фактора духовной жизни. Новые формы диалога литературы, писателя с читателем лишь подчеркивают целостность облика современного человека, свойственное этому человеку чувство осознанного историзма, поиски этим человеком органического мироотношения — будь то художник, будь то его аудитория.

Василий КИСУНЬКО